



К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Орхан Памук выступил с публичной лекцией в РГБ

Лев Николаевич Толстой, как известно, от Нобелевской премии отказался. Турецкий писатель Орхан Памук нет. В свете потепления отношений с Турцией и чтобы сгладить эту историческую неловкость, в Москве решили присудить Памуку премию



Алексей ШОРОХОВ

"Ясная поляна". За роман "Мои странные мысли" (2014 год).

Несмотря на турецкий вектор во внешней культурной политике, зримо воплощенный в Орхане Памуке, на сцене конференц-зала Российской государственной библиотеки (легендарной "Ленинки", кто ещё не знает) 24 февраля царили Толстые. Советник по культуре президента РФ Владимир Толстой представлял публике гостя и вручал ему премию имени родовой усадьбы Толстых, разговор с Памуком на сцене поддерживала Фёкла Толстая, вопросы гостю задавали, разумеется, тоже про Толстого...

— Оказал ли влияние?
— Ещё какой! Рос с портретом Толстого (репродукцией картины Репина) на стене.
— Изменилось ли отношение с возрастом?
— Изменилось, потому что...
— Показали бы вы ему свои романы?
...Тут пауза:

— Не уверен, Толстой часто ругал присланные ему произведения. А авторам стихов — вообще советовал "больше не писать" (аплодисменты в зале).

Это, если вкратце.
Перед зрителями выступал типичный западный писатель, профессор, "раскапывающий по полочкам" (Фёкла Толстая) тот или иной вопрос, а так как зал наполнился в основном студенты — взаимопонимание было полным. Вопреки тому, что англоязычный автор говорил на "втором родном" (английском), научниками с параллельным переводом восполь-

зовались очень немногие.

Успехи реформы образования, как говорится, налицо. Мир без границ. Дети уже готовы везти свои мозги и другие части тела туда. Чтобы прочесть того же Толстого в атлантом оксфордском издании с коротеньким пересказом любовных сцен на языке "Битлз". А вот Томас Манн в своё время мечтал поехать в Россию, где бы его непременно звали Фома Генрихович. Но не будем о грустном.

...Злые языки говорят, что в споре Толстого с

А быть наследниками православного пророка тоже неплохо. Хотя бы и управляя трамваем. Совсем неплохо.

Но в сторону предположения. "День литературы" первым решился нарушить царившую тему Толстых и спросил турецкого писателя о Пушкине:

— Господин Памук, вы сегодня часто упоминали имя Пушкина, говоря о русской литературе в своей речи. Возможно его известная повесть "Метель" что-то подсказала вам, ког-

да писался роман "Снег"? Ведь и там, и там снежная стихия как роковая надмирная сила вмешивается в судьбы людей, чтобы решительно изменить их?

— Здесь не только Пушкин, снежная мистическая стихия очень часто выступает и в произведениях Гофмана, Эдгара По, того же Толстого... Кстати, действие моего романа происходит в Карсе, в котором Пушкин с русской армией побывал в начале XIX века (1829 год, описано в "Путешествии в Арзрум", — А.Ш.). И вообще — Карс очень русский город, с конца XIX века и до 20-х годов XX он принадлежал России, там даже архитектура во многих местах сохранилась нетипичная для Турции, именно русская. Поэтому и роковая снежная стихия возникает в романе, конечно, и "Метель" Пушкина здесь находится где-то близко...

...От себя добавим, что роман "Снег" (2002 год) Орхана Памука не только самый "русский" в его творчестве, но и самый пророческий. Почти за пятнадцать лет до турецких событий июля 2016 года (несостоявшегося военного переворота) Памук описывает точно такую же неудачную попытку в Карсе, отрезанную от большой Турции многодневным снегопадом. И, несмотря, на постмодернистскую атмосферу художественного романа и реального ипольского путча — и там, и там кровь проливается настоящая. Это, наверное, и есть исчерпывающий ответ, на вопрос, заданный Памуку на московской встрече: как же соотносятся традиция и модерн?



ваи в Санкт-Петербурге... Тоже полезное для общества занятие. Впрочем, в мире ином, не унимаются злые языки, всё может оказаться с точностью до наоборот. И это разрыв самого великого графа мучил, если не сказать — терзал. Может быть, он один тогда за всех и отмалялся? Мысль, по-моему, довольно ловкая, главное, комфортабельная...

Достоевский вроде бы тоже страдал, хотя и по-другому. Однако ж святые Сербской православной церкви Николай Велимирович и Иустин Попович почитали его служение пророческим, как бы даже близким к канонизации...

вания украинского секса" Оксана Забужко.

Тем ярче в сборнике "Избранное" у Владимира Шемшученко звучат альтернативные, добрые стихи, например, о сыне, подобрившем котёнка, или о дятле за окном. "Котёнок спит, а рядом спит счастливый / Поэт, не написавший ни строки"; "...Лукавый кругленький глазок... / Обиденно... Но так красиво! // ...И он бросает вызов мне / Трёхстоппным ямбом в телеграмме. / На нём атласный колпачок / И боевое оперенье... / Ну ладно, ладно, дурачок / — Ты лучшее стихотворенье!"

Продолжим наш подсчёт особенностей поэтики Владимира Шемшученко. Итак (это уже в-третьих!), стихи Владимира Шемшученко подкупают необычным для поэтического языка соединением, сочетанием, сопряжением живой интонации разговорной речи, что, по сути, мы уже продемонстрировали, и яркими аллю-

пить". Так и у нашего автора эмоциональная нить протянута к собачьему бытию и сердцу. "Вот метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи". "Пси́на сторожевая / Вдург замолчала у ног". "Подходь хозяин, хромая на правую ногу, / И глады собаку по шерсти, скрывающей шрам". "У меня на руках африксовый дремлет щенок". Образ собаки сродни поэту по силе переживаемых чувств и невозможности выразить их словами. Для животного это абсолютная невозможность, а для поэта — это не что иное, как извечная неудовлетворённость очередным плодом собственного творчества, опять не утешившим авторские ожидания.

Поэзия — это движение образов, художественная бесконечность их прочтения. "И соловьёв в большом цветочном хоре...". Как мы уже подчёркнули, в этих поэтических образах частым гостем становится узнаваемый Петербург. "И снежные хищники с крыш / Не прыгают на прохожих". "Постою, помолчу, погляжу на мятущийся снег. / Он ещё не лежит на карнизах свалившейся ватой. / Он летит и летит, и мойх не касается век. / Он, конечно же, синий, и пахнет, естественно, мятой".

"Он летит и летит..." Вот мы и приблизились к характерному для Владимира Шемшученко грамматическому приёму, который поэт замечательно разрабатывает. Конец этого стиха: "Снег уже не идёт. Он уходит, уходит, уходит...". Повтором современного читателя не удивили, но ведь здесь повторяется так называемое настоящее актуальное, сиоимунное. Повторяется — и потому продлевается. Вот финал ещё одного стихотворения: "Тонкий ломаётся лёд — Кто-то под окнами ходит. / Чтo-нибудь произойдёт / Или уже произошло...". Из других стихов: "Заносит меня в Петербурге метель, / Заносит, заносит, заносит!". "И листаёт, листаёт, листаёт / Календарь новогоднег зимы". "Я, сновом снег, иду, иду к тебе".

Говорит, гладит, дремлет, спит, примеряет, прощу, ждёт, поём, врываемся, роняет, ржёт, стирает, целую, знаю, сторонясь, кружит, пахнет, согреваю... Мы сейчас выписали из финальных строк глаголы-сказуемые. Обратим внимание: это всё формы настоящего времени. В музыке есть такой значок: фермат. Тяни звук, сколько хочешь: если подольше, то звук станет лучше, выразительнее. Так и поэт формой настоящей времени продолжает, продлевает звучание стиха, хотя стих будто бы уже и закончен.

Повтор требует большой осторожности: это весьма сильный приём. Случайно ли, что в сборнике лишь три стихотворения выстроены по эффектной модели. Два по модели: Это... Это... Это... / На реке светает — Это издалека, / Это растёт, нарастает (вот оно опять, настоящее время)... Это ещё не звук, / Это из сердцевины... / Это небесный паук / Звёздной ниткой паутины... / Это королева-луна / Тучу поддела рогами. / Это кричит тишина / Между двумя берегами (каков образ реки и потрясающей тишины над нею!)... / Это — здесь и сейчас! ("привилегированные точки" Канта) — / Заговорить стихами... / Это — последний шанс / Не превратиться в камень". В другом стихотворении трижды повторяется группа придаточных, начинающихся с "когда": "Когда нет преданного друга, / Когда не подадут руки, Когда никто не интересен...". Двадцать один ответ в общей сложности протягивает читателю поэт на заголовочный процессный вопрос: когда же "мысль превращается в слова".

Много лет назад в стихотворении Якова Белинского мы отметили приём обрыва не строки даже — обрыва на половине слова. Речь шла об осенних листьях: "Не апрель — наряжаться, / Время гибнуть кружа, — Держаться... / Держаться... / Держаться... / Держа...". У Владимира Шемшученко в стихотворении "Картина" встречаем: "И штрих за штрихом, словно наземь убитая птица, / И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода, / И чья-то судьба — просто загнутый угол страдания. / Гадала цыганка. Гадала, гадала, гадала...".

Я так чувствую, что скоро перепису весь сборник, а главное от анализа всё ускользает, почему стихи лучше не разбирать, а читать и читать. И ценить этот дар в другом. У Фёдора Ермошина есть интересное сравнение наименований лиц с шахматными фигурами. "Поэт — наиболее чувствительный, чуткокожный, но и самый зыбкий агент в этом мире речи. Если сравнить язык с шахматами, то пешками будут журналисты, турами — прозаики (с их эпической обстоятельностью и неповоротливостью), политики — конями (не знаешь, куда увильнешь, и от корявого конскоязычия до афоризма один ход), поэт — ферзь: он может ходить, как ешь вздумается, он дерзок, размахист и почти всемогущ, но его гибель наиболее разительно сказывается на всём балансе сил" (Знамя. 2007, № 10).

Трудно сказать, что осталось за кадром, что не вошло в "Избранное", но в любом случае в этой поэзии есть что исследовать и есть что просто читать.

Журналы в метафизическом смысле такие же живые существа, как люди. Им отпущена долгая или короткая жизнь, яркая, духовно насыщенная, богатая сакральными ценностями или убогая, ничемная, пустая по существу. Всё зависит от заложенных в них идей и целей. Светлых или тёмных, горних или низменных. Ещё в 1922 году наш замечательный художник-иллюстратор Иван Билибин, находясь в эмиграции в Каире, сказал: "Напрасно критики и литературоведы всё время спорят о различных направлениях в искусстве, в поэзии, в прозе. Есть только два: одно из них разлагает душу читателя, другое — возвышает её". Вот на что надо ориентироваться в первую очередь.

Это к вопросу о "новой" "Родной Кубани", которая всегда отвечала "правилу Билибина", неся на своих страницах глубочайшие смыслы русской правды, нравственные законы бытия, традиции отечественной культуры, высокое художественное творчество её авторов. И "Родная Кубань" снова на переднем фланге тяжелейшей борьбы за сердца и души читателей, за просветление умов, за Россию. Потому что, в конечном счёте,

"Родная Кубань": перезагрузка

ни люди, ни книги и журналы не умирают. Верным и избранным Господь дарует восхождение.

В тех же краях, куда судьба забросила Билибина, за много-много веков до него в древней Александрии жила одна очень умная и образованная женщина — Гипатия. Она говорила своим ученикам: "Сохраняйте своё право думать, потому что даже думать неправильно лучше, чем не думать вообще". Потом пришли римляне, носители других ценностей, насаждаемых и сейчас повсеместно — "хлеба и зрелищ", и изрезали Гипатию на кусочки острыми ножиками для разделки устриц. Ни астрология, ни "права думать" им было ни к чему. А некоторые пустоголовые её ученики стояли вокруг и гоготели.

Нынешняя общая тенденция, увь, такова, что и молодое поколение, и взрослое перестают читать, разучиваются думать, мыслить. Им уже давно привито "клиповое сознание", "монтажное мышление", когда в головах запечатлеваются только слоганы, яркие кадры, упрощённый видоеряд. Они пребывают в некотором сладостном интернет-телевизионном дурмане. Вот почему особенно важна теперь роль печатного

женеры — все отнесены на обочину жизни. За последнюю четверть века у нас начало формироваться сословное общество, и все учёные, литераторы, вся профессура и т.д. явно принадлежат теперь к низшему сословию. Дисквалификация тысяч профессионалов во всех областях знания и жизнедеятельности — вот главный ущерб от четвёртой революции. Даже в пересчёте на деньги всё вышеоказанное — это больший урон, чем украденные миллиарды. Всю Россию не украдёшь — она слишком большая, а вот поломать судьбы людей можно, они и поломали. Нет в мире другой такой страны, в которой на одном веку был дважды проделан номер: "Кто был никем, тот станет всем". Я не сомневаюсь в том, что Россия выстоит, но какой ценой? Я имею в виду не деньги, а искалеченные жизни людей. Если бы Россия вдруг исчезла как единое государство, то на её месте образовалась бы такая чёрная дыра, которая, несомненно, поглотила бы всё человечество. Умные люди и у нас, и на Западе, и на Востоке хорошо понимают, что это так, а не иначе. Понимают и сдерживают не понимающих ничего, кроме сиоимунной выгоды. Так что с Россией всё будет хорошо, не сомневайтесь".

Эта цитата в какой-то степени разъясняет основную идею рассказа: "бывшие" — не герои этого произведения — "нижнее сословие", а "не понимающие ничего", как определил их автор. Пусть даже именно они теперь "званы" на сиоимунный пир, однако никогда не станут "избранными", "аристократами духа". Но здесь заложены и другие глубокие смыслы, как во всём творчестве Вацлава Михальского, как в его легендарном романе "Весна в Карфагене", нужно только внимательно читать и вдумываться.

Также пронзительно-откровенны и пронизывающие рассказы других прозаиков "Родной Кубани" — циклы "В теплых лучах" Андрея Тимофеева, "Жульё у моря" Николая Устюжанина, "Благодарная" Ирины Шейко. Это целомудренные страницы любви, написанные сердцем. С разнообразной палитрой красок, с ароматом моря и тёплыми лучами солнца, пусть даже с неизбежными мазками житейских невзгод, но идеально хорошо и счастливо в жизни никогда не бывает. И авторы не сказочники, а реалисты, следуя в русле лучших традиций русской литературы.

Причём, интересно заметить, что один автор — москвич, другой — вологжанин, третья — местная, кубанская. Это к тому, что, как заявлено во вступительном слове главным редактором "Родной Кубани" Юрием Михайловичем Павловым: "Мы будем публиковать всех талантливых авторов, не обращая внимания на место их проживания. Обязательно сделаем так, чтобы "Родная Кубань" в ближайшее время вошла в тройку ведущих патристических журналов страны и печататься в ней стало престижным для лучших прозаиков, поэтов, публицистов..."

Для редакции журнала нет запретных тем, но есть темы приоритетные. Это проблемы веры, казачества, образования, культуры, истории, политики, молодёжи... Путь на страницы "Родной Кубани" закрыт только ненавистникам Православия и России".

И слово своё он держит. В этом номере представлены замечательные, безупречные в художественном смысле стихи поэтов, которые не нуждаются в представлении и давно стали христианскими символами "русского сопротивления", — Юрия Лоцица и Николая Зиновьева. Поэзия разноплановая, разнообразная по стилю, лирико-драматическая, сугубо личностная, но, в то же время, и высокогражданственная, мотивированная общим — любовью к России и православной верой. Чего стоят хотя бы такие строки:

Пусть вы о нас не слышали пока —
Нет нашей диспозиции на карте.
Мы — воины засадного полка,
Не мыслящие службы в арьергарде...
Мы знаем цель засадного полка.
Мы — скрытая опора авангарда.
Враги о нас не ведают пока,
А значат — и не бита наша карта.

(Виталий Серков)

Эта поэтическая метафора выражает мысль, к которой и сам я в последнее время склоняюсь всё больше и больше, что вся русская литература — и прошлая и нынешняя — это, по сути, литература воющая, литература сражений и героических подвигов. Не только в знаменательных произведениях, но и самих авторов. Толстой, Лермонтов, Гумилев, Шолохов... Вот и наш современник Захар Прилепин, представленный на страницах "Родной Кубани" интереснейшим военно-историческим очерком о герое Отечественной войны 1812 года (семь боевых наград) Павле Катенине "Пестно было называться воином русским", уехавший сейчас воевать за Донбасс, сказал недавно в одном интервью: "За моей спиной весь спецназ русской литературы..."

Это правда. Настоящий русский писатель всегда был, есть и остаётся воином. Воином Духа, Света, Христа. И часто — мучником веры. Как Пушкин, Грибоедов, Рубцов. Первый номер "Родной Кубани" только подтверждает это. Под одной обложкой собраны замечательные авторы. И нет ничего того, о чем предупреждал Ю.М. Павлов, — либеральной смердяковщины.

Журнал следует заветам выдающегося славянофила Ивана Сергеевича Аксакова: "Время и обстоятельства требуют от нас патристизма иного качества, нежели в прежние годы: на родных бедствиях; что одного внешнего, так сказать, патристизма, возбуждённого видом внешней, грубой опасности, ещё недостаточно; что есть опасность иного рода, несравненно опаснейшая; что надо уметь стоять за Россию < > не одним напором и отпором грозной силы материальной, но силой нравственной; не одной силой государственной, но и силой общественной, не одним оружием вещественным, но и оружием духовным; не против одних видимых врагов в образе солдат неприятельской армии, но и против невидимых и неосызаемых недругов; не во время войны только, но и во время мира".

О книге стихов Владимира Шемшученко "Избранное"

Владимир Шемшученко отнюдь не новичок в поэзии, более того, этот поэт отмечен немалым числом премий — тем интереснее проанализировать недавно вышедший из печати сборник "Избранное" на предмет определения своеобразия, уникальности поэтической мысли и поэтического слова. Что же бросается в глаза при первом уже знакомстве со стихами Владимира Шемшученко и что, напротив, требует пристального от-



Вера ХАРЧЕНКО

Продлить звучание стиха

слеживания, едва ли не герменевтического подхода? Попробуем эти индивидуальны черты (условно, конечно же!) проанализировать.

Во-первых, поэзия Владимира Шемшученко — это мужская поэзия. На поэтическом горизонте (впрочем, не только на поэтическом, в быту и на службе тоже!) сейчас продолжается такой период, когда женщины и ведут себя, и пишут подчёркнуто по-мужски, а противоположный пол не чурается женственных признаний, шквала обид и прочих атрибутов отнюдь не своего гендера. У Владимира Шемшученко всё чётко по-мужски. "Ненависть — высшей пробы! — / Сыну в сердце вложу"; "Плачет сука, и я с ней плачу, Ненавидя и благодаря"; "Двадцатый век отпал подлудши / И треть страны, в которой я родился"; "И вздыгь разругались соперницы-кошки, / Изрядно помяв меховые манто. / Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки!"; "А собачьи глаза — / Вон какие стихи сочиняют!"; "Любимая, я — идюот — / Европа стихи не читает"; "К чертям занудный ход календаря!"; "И в рюкзак уложить тишину и усталость".

Во-вторых (впрочем, это вытекает из первого!), Владимир Шемшученко — поэт эпатажа, отстаивающий своё право на эмоции, достаточно часто альтернативные классическим поэтическим ожиданиям. Но этим голосом говорят сейчас многие, очень многие, которым эти стихи, если бы они их услышали, были бы до боли близки и дороги. У поэта Геннадия Калашникова есть выразительная строка: "Вся сука поэзии — касанье, она не зеркало — ладонь". То, о чём рассказывает лирика Владимира Шемшученко, касается буквально каждого соотечественника-современника: "Неладно со времён царя Гороха...", "Обшарпанный футляр, а в нём аккордеон...", "Я устал. Мне уже никогда...", "Стало страшно читать и писать...", "Петь не умеешь — вой". Мы привели сейчас самые первые строки (и, соответственно, названия некоторых стихов), тематически различных, но равно остающихся в памяти и структурирующих образ поэта.

Ролан Барт выдвинул идею о "третьем смысле" кинопроизведения произведений. Первый смысл — социально-этический, второй — эстетический, однако фильм фиксирует всегда несколько больше, чем хотел сказать автор. Примерно о том же пишет в своей книге "Простое — душевное чтение" и Сергей Костырко: "А у художества, как известно, своя логика, и противоречие между тем, что намерен был сказать автор, и тем, что оказалось, почти всегда неизбежно". Мы сейчас ведем речь о том, что у Владимира Шемшученко немало строк уделено "русской болезнью", поскольку талантливый поэт, подчас независимо от своих установок, то есть интуитивно, становится всеобщим зеркалом социума. Причём упомянутая тема работает и на образный ряд: "И хлебнув с утра осенней влаги, / Проходя трамвайные поют". Тут проступает очевидное напряжённый нерв оценки: всё ли, что есть в жизни, должно проникать в книгу или всё же не всё? Отражаем ли мы происходящее (науке известен такой термин, как сверхсмертность мужчин, — понятие от чего) или утешаем извечный голод, свою неуёмную тоску по идеалам и образцам повседнежного поведения?

Вот одно из самых сильных стихотворений "Счёт": Я иду, заливаясь слезами, / Всюду слышность нашу кланя... / А навстречу — со злыми глазами! — / Боже, как они любят меня!". Нас всех (не только мужчин! не только много переживших!) достаточно часто захлёстывают отрицательные эмоции, которые, оказываясь, тоже нужны личности, что блестяще доказал в своей книге Томас Гордон, защищая права детей на гнев и зависть, обиду и злость. Кстати, американского психолога трижды представляли к Нобелевской премии, но его смерть сняла этот вопрос с рассмотрения. Мы же пишем об этом потому, что сильными эмоциями, ой, как необходимо свой язык. "Язык не может быть сокровенным. Если он сокровенен — он не язык", — подчёркивает в романе "Полевые исследо-

зиями, цитатами из классики, а также упоминаниями современных поэтов и писателей. Это строки из Блока и Маяковского, Ломоносова и Пастернака, Александра Пушкина и Александра Грина. Это аллюзия алых парусов и аллюзия Ремарка: "На писательском фронте без перемён". Упоминается Юрий Кузнецов, Геннадий Айги, Захар Прилепин, Глеб Горбовский. К отдельным стихам предпосланы эпиграфы из Пушкина, Блока, Мандельштама, Аксёвского. Есть посвящения. Марине Кудимовой, например. Таким путём создаётся лирика, весьма насыщенная именами и образами.

В-четвёртых, в стихах сборника много Петербурга, даже если судить только по названиям: "Петербург", "Васильевский остров", "Петербургский вальс", "Наводнение", "Город Гамлет". Впрочем, и вся страна представлена: Караганда, Курилы, Киев, Феодосия, Донецк, Соловки, Онега...

В-пятых (что связано с сильными протестными переживаниями!), в стихах много "политики", они как пронзительная, пронизывающая оценка непростой нашей современности, включая до сих пор "беснующихся укров", и т.д. Тех, кого выселяли и прокинали. "Посмотрите в окно — кто метёт и скребёт наши улицы? / Это дети оравших до времени: "Русские вон!!". Александр Иличевский хорошо сказал о прозе: "В моём понимании, любой роман — это исследование работы, способ познания мира. Желание что-то написать возникает тогда, когда что-то не понимаешь. Текст — это попытка размышления по поводу того, что тебе неизвестно (Новый мир. 2012, № 5). Полагаем, что исследовательский посыл есть не только у романа, но и у стихотворения, которое тоже становится инструментом не одного лишь отражения, а ещё и анализа события. Вот, например, очень точная зарисовка узнаваемых эмоций: "Скитается взгляд по вагону, чего ни коснётся — болит!". Добавим: стих — это ещё и аутоисследование, интерпретация собственного поступка: "Здравствуй. Узнал, что вернётся, и верил — / Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержать".

Впрочем, продолжать выделенные выше "во-первых", "во-вторых" и далее не следует: начинаем угасать самое главное. Дело здесь вот в чём. При таком эпатаже и такой "политике", при такой многоголосице Петербурга и таких списках имён объединяющим началом, пронизывающим каждый блок, каждый "отсек" своеобразия, у Владимира Шемшученко являлись яркий лиризм, замечательное чувство необходимости той или иной, всегда по-мужски сильной эмоции.

"Он вытиснул меня из пьяной драки / И в спину подтолкнул: "Беги, убьют...". / Он умер тихо, но его собаки / Зануть всему кварталу не дают". "Время любить — без любви умирают, / Вянут, как сбитая градом трава". "Не вы гоняли голубей, / Но вы — поймаёте...". "Не гляди на меня. Лучше слушай, как мокро лапой / Заоконная ель одичало скребётся в стекло. / Пересилив себя, ты сумела назвать меня лапой / И сама испугалась — давненько мне так не везло". "Снега хочется! Солнца! / Рук твоих! Чёрт возьми!".

Лирика Шемшученко демонстрирует умение не только пережить, но и выразить эмоцию. Как? Да по-разному и всегда по-своему, так, как мало кто в поэзии эти эмоции выражал. Рассмотрим один интересный содержательный, сюжетный ход и один ход, один приём сугубо формальный, грамматический, поясняя сказанное примерами.

В сборнике парадоксально большое место уделено... собакам, или, выражаясь галантным научным языком, концепту "собака", что тоже больше свойственно сугубо мужской поэтике. Считается, что лучшие собаки у Чехова.